

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ CRIMINAL LEGAL SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2022-8-3-61-69

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.13

Дата поступления: 20.08.2022
рецензирования: 21.09.2022
принятия: 15.10.2022

К двадцатипятилетию движения восстановительного правосудия в России

В. О. Белоносов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: vladimirbelonosov@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается неоднозначный период зарождения и развития восстановительного правосудия в России. Этот отечественный опыт сопоставляется с современным европейским пониманием восстановительного правосудия и его фундаментальными основами. Констатируется, что в нашей стране существует интересный опыт зарождения и развития восстановительного правосудия, закрепленный в «Вестнике восстановительной юстиции» и иных документах, которым можно гордиться благодаря действиям команды единомышленников в более чем 30 регионах страны. Но на этом пути имеются и трудности. Анализируется отношение к восстановительному правосудию со стороны органов власти, правоохранительных органов, научного сообщества. Уделено внимание обсуждению модели правового регулирования концепции института примирения в уголовном судопроизводстве, которое проходило 22 апреля 2022 г. на кафедре уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия. Будучи социальной реакцией гражданского общества на преступление, восстановительное правосудие строится на принципиально других началах, отличных от государственного управления. Такая работа требует принципиально нового мышления и других методов работы. Делается вывод об ошибочности ограничения восстановительного правосудия в России. Высказываются замечания к модели правового регулирования института примирения в уголовном судопроизводстве с точки зрения сущностной природы восстановительного правосудия.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; восстановительное правосудие; «Вестник восстановительной юстиции»; медиация; примирение; гражданское общество.

Цитирование. Белоносов В. О. К двадцатипятилетию движения восстановительного правосудия в России // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 3. С. 61–69. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-3-61-69>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Белоносов В.О., 2022

Владимир Олегович Белоносов – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Юридический институт, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443022, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 20.08.2022
Revised: 21.09.2022
Accepted: 15.10.2022

On the twenty-fifth anniversary of the restorative justice movement in Russia

V. O. Belonosov

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: vladimirbelonosov@yandex.ru

Abstract: This article examines the controversial period of emergence and development of restorative justice in Russia. This domestic experience is compared with the modern European understanding of restorative justice and its fundamentals. It is acknowledged that our country has an interesting experience of restorative justice, documented in the «Restorative Justice Herald» and other documents, which we can be proud of thanks to the actions of a team of like-minded people in more than 30 regions of the country. But there are also difficulties. The attitudes towards restorative justice on the

part of the authorities, law enforcement agencies and academia are analyzed. Attention was paid to the discussion of the model legal regulation of the concept of reconciliation in criminal proceedings, which took place on April 22, 2022 at the Department of Criminal Procedure of the North-West Branch of the Russian State University of Justice. As the social response of civil society to crime, restorative justice is based on fundamentally different principles from state governance. Such work requires a fundamentally new way of thinking and working. It is concluded that restorative justice in Russia is wrongly restricted. Comments are made on the model of legal regulation of conciliation in criminal proceedings from the perspective of the essential nature of restorative justice.

Key words: criminal procedural law; restorative justice; «Restorative Justice Herald»; mediation; reconciliation; civil society.

Citation. Belonosov V. O. *K dvadtsatipyatiletyu dvizheniya vosstanovitel'nogo pravosudiya v Rossii* [On the twenty-fifth anniversary of the restorative justice movement in Russia]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2022, vol. 8, no. 3, pp. 61–69. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-3-61-69> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests

© Belonosov V. O., 2022

Vladimir O. Belonosov – Doctor of Legal Sciences, associate professor, professor of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science, Law Institute, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Когда в сентябре 2021 г. я получил от своих старых знакомых приглашение принять online участие в международной конференции «Восстановительное правосудие: многогранность подвижных границ» (*La justice restaurative: des frontières plurielles et mouvantes*), которая организовывалась на базе Национальной школы пенитенциарной администрации Франции (г. Ажан), сначала я был слегка обескуражен, так как до конца не представлял, что же такое это восстановительное правосудие и какое отношение оно имеет к уголовному процессу. Вроде бы под правосудием понимается деятельность суда, но, к своему стыду, я имел слабое представление о восстановительном правосудии. Вспомнилось, как в далеком 2003 г. довелось впервые услышать выступление Максудова Рустема Рамзиевича, президента общественного центра «Судебно-правовая реформа» и председателя Всероссийской ассоциации восстановительной медиации. Но, как тогда я ни старался вникнуть в сущность восстановительного правосудия, смог только с раздражением констатировать, что восстановительное правосудие – никакое это не правосудие. Это деятельность неизвестно откуда взявшихся добровольцев, которые занимаются какими-то переговорами. И с тех пор я надолго забыл о восстановительном правосудии. Хотя время от времени мне попадались публикации на эту тему, но все равно восстановительное правосудие продолжало оставаться загадочной экзотикой.

Тем не менее в плане подготовки к конференции я постарался ознакомиться с публикациями по восстановительному правосудию в электронной библиотеке e-library, их оказалось около 400. Несмотря на вроде бы большое количество публикаций, много было повторяющихся, бессодержательных и даже почему-то идеологически критических. Таким образом, к конференции по восстановительному правосудию я подошел с «кашей в голове» в надежде просто послушать, о чем будет идти речь.

Основная часть

Сама конференция проходила 16–17 ноября 2021 г. и произвела сильное впечатление. Обсуждались вопросы, связанные с историей, современным состоянием и перспективами развития восстановительного правосудия во Франции и других странах, в основном франкоязычного мира от Канады до Полинезии. Среди участников конференции были представители научного сообщества, учебных заведений, практические работники, представители Министерства юстиции Франции. Хотя о России ничего не говорилось, тем не менее содержание дискуссий было исключительно интересно и полезно для правильного понимания природы восстановительного правосудия, его места и роли в системе общественных отношений.

Не секрет, что в сознании отечественных юристов ощущается дефицит, либо некорректное, либо тенденциозное понимание восстановительного правосудия, а порой и все это вместе. Если обобщить смысл сказанного, то тезисно его можно представить в следующем виде.

1. В настоящее время в мире (речь не шла о России) наблюдается кризис практики разрешения уголовных конфликтов из-за жесткости (жестокости) его реализации. Судопроизводство не всегда достигает желаемых результатов, ибо государство не всегда может оказать реальную помощь потерпевшему. Как правило, государство хорошо справляется с карательной функцией, которая составляет суть государственного подхода, а в теории поэтому называется карательным (репрессивным) правосудием. Но это не ругательные термины, а их сущностная характеристика. Как это ни парадоксально, но под такие характеристики подпадают действительно демократические, в нашем понимании, западноевропейские государства.

2. Но параллельно с государственным подходом все большее распространение получает восстановительное правосудие, которое призвано решать не менее важные задачи оказания помощи личности в преодолении последствий преступления, ее восстановления и вовлечения в дальнейшую систему

общественных отношений. Если государство не склонно решать подобные задачи, то практика свидетельствует, что они успешно решаются в рамках восстановительного правосудия представителями гражданского общества. Поэтому восстановительное правосудие должно рассматриваться как *социальная реакция гражданского общества на преступление*. И осуществляться такая реакция должна совершенно другими методами, отличными от государственных, а именно:

в основе восстановительного правосудия лежит любовь в самом высоком и широком смысле. Именно таким подходом общество и граждане могут оказать не меньшую помощь, чем государство. И такой подход показывает, что члены гражданского общества способны (а порой и достаточно эффективно) участвовать в поиске решений для восстановления потерпевшего (а порой и иных субъектов), его вовлечения в привычную систему общественных отношений, заглаживания вреда от преступления, чтобы каждый субъект смог успешно в дальнейшем продолжить свою жизнь;

в основе восстановительного правосудия лежит принцип коммуникации – возможность безбоязненного, свободного и прямого общения, проговаривания, высказывания о наблевшем. Для этого необходимо быть услышанным и правильно понятым. Большое значение приобретают доверие и индивидуальный подход, но такое возможно лишь на пути реальной либерализации уголовного правосудия, где каждый субъект может и должен быть выслушан. И в процессе такого диалога возможно восстановление;

важным принципом восстановительного правосудия является восстановление равновесия. Такой процесс должен восстанавливать связи, а не разрушать их;

совокупность приведенных характеристик приближает восстановительное правосудие к искусству, где нетерпим формально-бюрократический подход, так присущий государственному регулированию.

3. К идее восстановительного правосудия приводит уголовное право. Существует различное понимание сущности восстановительного правосудия и его конечных целей. Это не только процедура встреч формата «потерпевший – обвиняемый». Восстановление достигается прежде всего при условии прекращения превосходства личности. Это возможность коллективного проживания без насилия и возможность восстановления юридического статуса. Уголовное право содержит лишь предпосылки для такого восстановления, поскольку восстановление лишь предполагается наказанием. Если в уголовном праве предусмотрено восстановление только в денежной форме, то восстановительное правосудие предполагает реальное восстановление. Отсюда можно предположить, что восстановительное правосудие не противоречит уголовному праву, а является его осознанным выбором. Между ними нет противоречий, они являются двумя сторонами одного целого.

4. Философия восстановительного правосудия предполагает участие общества. Наказание должно быть в интересах общества и потерпевшего, а не обвиняемого. По мнению Ч. Беккариа, наказание должно быть социально полезным [1, с. 73].

Наказание затрагивает коллективную логику, которая должна объединять, а не разъединять. Восстановительное правосудие – это не всепрощение, а общественное осуждение. Наказание должно быть обращено в будущее, а не в прошлое. Наказание должно быть наименее жестоким, хотя на практике порой жестокость добавляется искусственно.

5. Возникает закономерный вопрос – стоит ли (а если стоит, то каким образом) менять уголовное (уголовно-процессуальное) законодательство? В некоторых странах законодатель пытается мягко вводить восстановительное правосудие, не меняя при этом всю систему уголовного судопроизводства. Это способно порождать противоречия и большое количество вопросов, которые в своей совокупности можно сформулировать как «возможно ли восстановительное правосудие на службе репрессивного правосудия?». Самое удивительное, что такие вопросы вполне серьезно на конференции обсуждали представители западноевропейских государств (Бельгии, Швейцарии, Голландии и др.), критикуя свои государства за излишнюю, с их точки зрения, «репрессивность» государственного правосудия, препятствующую эффективному функционированию восстановительного правосудия.

Несмотря на разнообразие высказанных мнений, в целом отмечено, что:

ограничения восстановительного правосудия являются ошибочными;

хотя восстановительное правосудие способно радикально повлиять и изменить карательное правосудие, но у последнего еще сильные позиции (речь шла только о западноевропейских государствах);

отмечена зависимость восстановительного правосудия от типа социальной системы, психосоциального контроля с осознанием необходимости их гуманизации.

И такие простые и понятные высказывания участников конференции позволили изменить отношение к восстановительному правосудию, сделав более ясным не только его, но и всю систему общественных отношений, с ним связанную. Многие вещи стали более понятны: и карательно-репрессивная сущность государственного правосудия; и сложности распространения в России восстановительного правосудия как следствие сложностей с гражданским обществом; и трудности с коммуникацией для безбоязненного, свободного, прямого общения и проговаривания наблевшего; и достижение равновесия в общении; и сложности творческого подхода в условиях преобладающего формально-бюрократического давления; и почему до сих пор восстановительное правосудие в России не нашло своего законодательного закрепления, а

попытки ввести в законодательство какие-либо восстановительные технологии наталкиваются на сопротивление в силу своей инородности и порождения большого количества противоречий.

Но после обсуждения на конференции остался самый главный вопрос, на который я так и не смог получить ясного ответа: кто тот субъект, способный выполнять такую не простую, но благородную и довольно хлопотную миссию восстановительного правосудия, и каковы могут быть мотивы его деятельности. Хотя конкретного ответа на этот вопрос я не получил, но из выступлений участников сложилось впечатление, что для них такого вопроса не существовало. Видимо, для представителей западноевропейских государств с их развитой системой гражданского общества этот вопрос достаточно ясный. Существуют отдельные волонтеры, общественные, религиозные, профессиональные, спортивные и многочисленные другие организации, члены которых занимаются как благотворительной, так и в какой-то степени оплачиваемой деятельностью. На мое отдельное обращение по этому вопросу к организаторам конференции мне был выслан рекламный буклет, в котором сообщалось о возможности участия в обучающей программе по подготовке специалистов по восстановительному правосудию с указанием рассматриваемых тем, количества часов обучения и стоимости курса.

Но каково же было мое удивление, когда я узнал, что в нашей стране уже продолжительное время имеется положительный опыт работы восстановительного правосудия, и довольно богатый. Одним из главных достижений является публикация с 2000 до 2018 г. журнала «Вестник восстановительной юстиции» с периодичностью 1 раз в год. Хотя мне пояснили, что выпуск журнала после 2018 г. был прекращен по экономическим соображениям, но такое объяснение не кажется убедительным и должно иметь более глубокие причины, которые требуют подробного анализа. Для этого нам надо обратиться к сущности восстановительного правосудия в том понимании, как это было изложено на конференции.

Итак, восстановительное правосудие – это социальная реакция именно гражданского общества на преступление. Государство реагирует на преступление другими способами, отличными от восстановительного правосудия. Деятельность гражданского общества протекает по своим собственным закономерностям, отличным от государственных. И подтверждение именно такой позиции мы находим в материалах «Вестника восстановительного правосудия», где показан результат многолетней деятельности гражданского общества в России, выполнявшего не простую, но благородную и хлопотную миссию. Эта деятельность началась в России в 1997 году и постепенно где-то успешно, а где-то с трудом распространялась. И то, чего я не понимал до конца, – мотивы такой деятельности, – оказывается, эти идеи в России успешно существовали и развивались, что чрезвычайно от-

радно. И в публикациях журнала представлены убедительные тому доказательства. Это своего рода летопись восстановительного правосудия в России, в которой отразился самый широкий спектр материалов. Он касался вопросов перспектив развития и подведения итогов; проблем и ориентиров; истории и традиций примирения; зарубежного опыта; методических материалов; опыта проведения восстановительных программ, мониторингов. Доброй традицией стала публикация материалов о семинарах, проводимых в Институте государства и права Российской академии наук по вопросам, связанным с примирением, восстановлением, медиацией, что свидетельствует о внимании науки к этому явлению.

Но параллельно с непосредственной деятельностью самого гражданского общества в «Вестнике восстановительной юстиции» также публиковались материалы по вопросам неоднозначного взаимодействия представителей гражданского общества с государственными органами и учреждениями. Например, Р. Р. Максудов пишет [2, с. 5] о двух параллельно существующих, но полностью не совпадающих друг с другом типах проектов: а) *социокультурный*, который реализует концепцию восстановительного разрешения конфликтов и криминальных ситуаций; б) *административно-политический*, реализуемый группой чиновников для достижения плановых показателей и создания служб примирения административным путем. Основной идеей второго типа является идея планируемого снижения преступности несовершеннолетних. Для этого массово создаются службы примирения, показывающие необходимую отчетность, которая связывается со статистикой преступности несовершеннолетних, действительно имеющей тенденцию к снижению в силу разных факторов. Опасность такого подхода заключается в девальвации исходной идеи восстановительного правосудия. Как отмечал И. Иллич, «наши крупные институты обладают пугающим свойством превращать в свою противоположность именно те цели, для которых они изначально планировались и финансировались» [3, с. 130].

Последствия формально-бюрократического подхода проявлялись по-разному. Например, мониторинг территориальных служб примирения, проведенный в 2017 г., выявил, с одной стороны, количественное *распространение восстановительных практик*, т. е. учреждение служб на базе разных ведомств, общий рост количества программ, а с другой стороны – *неустойчивость* функционирования служб [4, с. 197].

Чуть лучше обстояло дело со школьными службами примирения. Министерство образования и науки РФ выпустило рекомендации по созданию служб примирения/медиации в школах, что привело к их широкому распространению. Но такие службы учреждались в регионах нередко «по приказу», и потому не все из них являлись реально действующими или соответствующими восстановительным принципам [4, с. 198].

При проведении указанного мониторинга некоторые региональные координаторы столкнулись с расхождением, что передаваемые данные органов образования в Министерство образования и науки РФ не совпадают с реальными данными по действующим службам примирения. И у координаторов появилось опасение, что публикация реальных данных вызовет конфликт с органами образования. Поэтому несколько регионов отказались передавать объективную информацию [5, с. 231].

Данные о более поздних мониторингах и подобного рода исследованиях отсутствуют, так как после 2018 года «Вестник восстановительной юстиции» прекратил свое существование.

Еще один пример. В год 15-летия с начала практики восстановительного правосудия в России Р. Р. Максудов так вспоминал этот трудный период: «Летом 1997 г. я познакомился с помощью преподавателя Эрика Шенка из Юго-Восточного университета штата Флорида с идеей и практикой восстановительного правосудия. Эта идея меня так захватила, что я решил посвятить ее претворению в России всю жизнь. В этот период мое устремление поддержали Михаил Флямер, Людмила Карнозова, Антон Коновалов... В тот период мы были достаточно наивны и не предполагали, какая машина репрессивных практик нам противостоит. Но, может, эта наивность и давала нам возможность работать в полную силу. Нам казалось, что нужно практически создать и теоретически обосновать восстановительное правосудие как комплексную социальную технологию, и власть нам поможет ее реализовать. То есть необходимо было определить форму взаимодействия юридических и социальных институтов. Такая основа была создана, но возникли новые препятствия. В целом ее можно определить как *отсутствие разумного управления социальной сферой и сферой правоохранительных органов*. В социальной сфере России, в отличие от США и многих стран Европы (где *социальные услуги населению в основном оказываются негосударственными организациями*), существует прямое подчинение муниципальных организаций вышестоящим чиновникам. Социальная сфера перегружена огромной и часто избыточной отчетностью, постоянными проверками, большим количеством контролирующих инстанций, труд социальных работников является низкооплачиваемым» [6, с. 4].

Не менее остро критиковалось репрессивное мышление в МВД и Генеральной прокуратуре, которое не позволяло производить программы восстановительного правосудия на стадии предварительного расследования. Такое мышление тормозило управленческую реформу, поскольку оно видело все проблемы только в несовершенстве законов. Но даже при наличии огромного количества законов, часто противоречащих друг другу, не было нормального управления различными сферами деятельности.

В то же время движение восстановительного правосудия поддерживалось судебной системой.

Судьи больше всего были заинтересованы в развитии восстановительного правосудия в России и поддерживали становление этой практики.

Юридическая наука также проявила существенный интерес к восстановительному правосудию, на что указывают научные публикации [7–10] и защищаемые диссертации [11–13].

Но в качестве особого примера научной заинтересованности хотелось бы остановиться на недавнем обсуждении проблем, связанных с восстановительным правосудием на Всероссийском круглом столе с международным участием «Институт примирения в уголовном судопроизводстве: модель правового регулирования», который проходил 22 апреля 2022 г. на кафедре уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». До сих пор материалы круглого стола не опубликованы, но они достойны внимания юридической общественности.

Итак, институт примирения – это частый случай восстановительного правосудия. Общественный центр «Судебно-правовая реформа» в свое время подготовил законопроект «О внесении изменений в УК и УПК РФ для обеспечения потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому возможности примирения», который предлагал внести в УПК РФ новую главу о примирении сторон (состоящую из 8 статей), а также внести изменения в 9 действующих статей УПК.

После своей доработки законопроект в 2020 г. был снова рассмотрен в Государственной Думе, где было высказано большое количество замечаний:

неприемлемо употребление термина «восстановительное правосудие» как противостоящее официальному правосудию как карательному;

проект не предусматривает регламентацию:

- а) процедуры примирения;
- б) содержания договора о примирении либо отказа от его заключения;
- в) уголовно-правовых последствий неисполнения виновным условий договора о примирении;
- г) последствий неисполнения условий договора иными лицами;
- д) последствий злоупотребления правом на примирение;
- е) ответственности за неправомерное вмешательство в процедуру примирения;
- ж) возможности проверить законность процедуры примирения;
- з) участия в процедуре примирения представителей сторон;
- и) особенности проведения процедуры примирения с участием несовершеннолетних;
- к) отвода примирителя;
- л) компенсации материальных затрат в связи с проведением процедуры примирения.

Как видим, список указанных пробелов в модели правового регулирования института примирения достаточно внушителен. В примерно таком же ключе шло обсуждение и на круглом столе в

Северо-Западном филиале университета правосудия. Выступающие указывали и анализировали большое количество пробелов, противоречий и иных изъянов в регламентации правового регулирования представленной модели института примирения.

По результатам обсуждения сложилось впечатление, что:

а) как это ни парадоксально, но чем подробнее старались регламентировать модель правового регулирования, тем еще больше в ней обнаруживалось дополнительно новых несовершенств;

б) к примирителю как представителю гражданского общества, который должен творчески заниматься своим общественным предназначением (относиться к примирению как искусству), стали предъявляться строгие формально-юридические требования и устанавливаться запреты, которым он должен соответствовать, делая из него как бы второго защитника параллельно с уже существующим адвокатом. Может быть, и неплохо, когда настоящий примиритель, достойно выполняющий свою общественную миссию, является еще и юридически компетентным субъектом, чтобы соответствовать требованиям модели правового регулирования. Но ставить такое обязательное условие абсолютно ко всем примирителям явно неоправданно, так как невозможно одинаково хорошо выполнять две столь различные функции. Было бы логично, чтобы при такой альтернативе данный субъект оставался именно хорошим примирителем, а все юридические вопросы пусть отойдут к адвокату;

в) если идти по пути смешения различных функций, то ничего хорошего из этого не получится. Общеизвестно, что, как только деятельность примирителя как субъекта гражданского общества начинает регулироваться государством, она становится формальной и малоэффективной.

Поэтому государство должно не только уважительно относиться к деятельности субъектов гражданского общества (что должно быть само собой разумеющимся), но и прекратить заниматься правовой регламентацией общественной деятельности, ибо она строится на принципиально иных основах, о чем говорилось выше. Субъекты гражданского общества нуждаются не столько в установлении для них строгих запретов и ограничений, сколько в создании благоприятных условий для их непростой, хлопотной, но благородной миссии – в данном случае примирителя.

В качестве образца именно такого подхода хотелось бы привести пример регламентации восстановительного правосудия в УПК Французской республики, где во вводном разделе общих положений имеется отдельный подраздел II «О восстановительном правосудии», состоящий из единственной и относительно небольшой статьи 10-1 следующего содержания:

«Во всех стадиях уголовного процесса, в том числе во время исполнения приговора, потерпевшему и обвиняемому, при условии признания фак-

тов, *может быть предложена* восстановительная процедура.

Она состоит из *любой меры*, которая позволяет потерпевшему и обвиняемому активно участвовать в разрешении трудностей, возникших в результате правонарушения, и устранять ущерб любого рода, причиненный преступлением. Эта мера может быть применена только в том случае, когда потерпевший и обвиняемый были полностью проинформированы и дали на нее согласие. Эта мера осуществляется независимой третьей стороной, подготовленной для этой цели, под наблюдением судебного органа или, по его просьбе, пенитенциарной администрацией. Как правило, эта мера конфиденциальная, кроме случаев, когда стороны об этом не договорятся, либо связанных с предотвращением или пресечением других правонарушений, когда в силу особой значимости эта информация может быть доведена до прокурора».

В подразделе III «О правах потерпевшего» имеется ст. 10-2, где в самом общем виде сказано:

«Сотрудники и агенты судебной полиции должны информировать потерпевшего любым способом о его праве:

1. Добиваться возмещения причиненного ему вреда путем компенсации либо другим способом, в том числе *восстановительным правосудием...*»

Такая абстрактная формулировка находит свою конкретизацию в ст. D-1-1-1, вступившей в силу 24.12.2020:

«В дополнение к случаю, предусмотренному в статье 10-2, жертве или лицу, совершившему преступление, должна быть предложена возможность участия в мерах восстановительного правосудия в соответствии со статьей 10-1, если эта мера *представляется целесообразной*:

1. Прокурором или его представителем в ходе реализации альтернативы уголовного преследования или уголовного состава *на любом этапе*;

2. Следственным судьей *на любом этапе расследования*, в частности, когда получает жалобу потерпевшего с гражданским иском или приступает к допросу лица, привлекаемого к ответственности;

3. Председателем суда первой инстанции *в любое время* в ходе слушания дела и после вынесения решения по государственному обвинению и гражданскому иску;

4. Судьей по исполнению наказания в соответствии с п. 2 ч. 4 ст. 707».

Больше в УПК Франции ничего не сказано о восстановительном правосудии. Бросается в глаза, что небольшие, но мягкие и доброжелательные формулировки, составляющие суть разрешительного метода правового регулирования, не содержат каких-либо ограничений и запретов. Не сформулировано никаких перечислений прав и обязанностей субъектов, особых проверочных процедур, никаких договоров о примирении либо недостижении примирения, никаких последствий неисполнения условий таких договоров, никаких других препятствий или надуманных сложных конструкций. Все гениально просто, компактно,

уважительно. Субъекты гражданского общества должны относиться уважительно к государству, но и государство должно относиться дружелюбно к субъектам гражданского общества.

Такой метод правового регулирования коренным образом отличается от того, что говорилось и предлагалось на круглом столе в Северо-Западном филиале Российского университета правосудия, когда участники с исчерпывающей полнотой пытались урегулировать юридический статус института примирения со всеми отсюда вытекающими последствиями. Представляется, во-первых, что это порочный путь в сторону взаимных подозрений, который противоречит презумпции невиновности. Во-вторых, законопроект даже в таком несовершенном виде не имеет шансов на свое принятие, так как в последние годы уголовно-процессуальное законодательство отличается высокой репрессивностью и принимается исключительно в интересах правоприменителей [14, с. 71]. В-третьих, принятие законопроекта в таком виде не нужно, так как он не отвечает природе гражданского общества. Он пытается урегулировать статус примирителя, выполняющего общественную миссию, юридическими правами и обязанностями по подобию адвоката. Такой формально-бюрократический подход обрекает примирителя на формализм и неэффективность в работе.

Может быть, в силу объективных причин мы еще не до конца понимаем природу и сущность гражданского общества, т. к. мы к нему еще просто не привыкли. Может быть, нам трудно понять его потенциальные возможности и предназначение, а государство в своих интересах пытается урегулировать эту деятельность, невольно внося формализм и неэффективность посредством введения запретов и ограничений в этот специфический творческий процесс. Однако не стоит переживать, если не удастся быстро законодательно урегулировать институт примирения в уголовном судопроизводстве. Это слишком важный вопрос для того, чтобы он был решен в сложное нестабильное время. Думается, что обсуждение этого вопроса необходимо продолжить, он достоин большего внимания не только в рамках круглого стола, но, может быть, на уровне конференции и с обязательной публикацией соответствующих материалов.

Выводы

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

1. Восстановительное правосудие в России имеет двадцатипятилетнюю историю своего существования и развития благодаря усилиям команды единомышленников во главе с Максудовым Р. Р. Несмотря на официальное непризнание восстановительного правосудия со стороны государства и отсутствие поддержки, инициативной группе волонтеров все же удалось предпринять немалые усилия для продвижения и распространения восстановительного правосудия как принципиально новой парадигмы.

2. За этот период сделано немало. Программы восстановительного правосудия инициировались сначала общественным центром «Судебно-правовая реформа», а с 2009 г. вновь созданной Всероссийской ассоциацией восстановительной медиации. Проведение восстановительных программ началось с правосудия по делам несовершеннолетних. Организационной формой реализации стали территориальные и школьные службы примирения. Несмотря на то что никакие законы приняты не были, но работа по восстановительному правосудию продолжалась в более чем 30 регионах страны. Была создана Всероссийская ассоциация восстановительной медиации, в регионах организовывались межведомственные команды, работу поддерживали судьи. Есть документ рамочного характера – «Национальная стратегия действий в интересах детей», – подписанный Президентом России. Все это удалось сделать потому, что с самого начала при появлении Всероссийской ассоциации восстановительной медиации пошли по пути создания и поддержки сетевых структур. Создавалась не административная иерархия с главным медиатором, а другой тип управления. Вместо начальника и заместителя создавалось разнородно организованное взаимодействие различных групп и людей. Сетевая структура организуется не в административной, а в управленческой идеологии. Управленческий формат означает, что запуск пилотных площадок связан с самодвижением людей, организаций и сообществ, которые начинают проводить собственную траекторию деятельности, что в управленческой идеологии является основой поддержки [15, с. 62]. Именно таким способом должно действовать гражданское общество. Эти знания приобретены на основе лично выстраданного опыта реформаторов движения восстановительного правосудия. И то, что такой опыт закреплен в публикациях «Вестника восстановительной юстиции», особенно ценно.

Поэтому стоит обязательно поблагодарить организаторов за бесценный накопленный опыт, который ни в коем случае не должен быть забыт. И если даже сегодня, в 2022 г., что-то в этой деятельности идет по-другому по объективным причинам, то память все равно должна сохранить приобретенные знания и умения. Представляется, что они обязательно будут востребованы, и, может быть, даже очень скоро.

Но в то же время стоит признать неубедительными объяснения о прекращении выпуска «Вестника восстановительной юстиции» только экономическими причинами.

3. Стоит поддержать озвученный на французской заочной конференции вывод о том, что ограничения восстановительного правосудия являются ошибочными. Но правовое регулирование восстановительного правосудия целесообразно осуществлять с помощью не запретительных или ограничительных мер, а с помощью дозволения в самом общем виде, так как субъекты гражданского общества смогут самостоя-

тельно найти лучший способ выполнения своего общественного долга.

В перспективном плане введение восстановительного правосудия в отечественное законодательство потребует в будущем и определенной корректировки законодательства в сторону уменьшения его жесткости, упрощения и придания более уважительного отношения к субъектам гражданского общества, что зависит, как было сказано на французской конференции, «от осознания необходимости гуманизации социальной системы».

Понимая, что в этом виде такое предложение имеет мало шансов быть воспринятым, мы рассчитываем на его более подробное обсуждение в масштабе научной конференции с обязательной публикацией соответствующих материалов.

4. В силу вышесказанного нельзя поддержать модель правового регулирования института примирения в уголовном судопроизводстве в том ее виде, как было предложено в Северо-Западном филиале Российского государственного университета правосудия. В таком виде модель неприемлема, поскольку она предъявляет к примирителю как субъекту гражданского общества неоправданно строгие формально-юридические требования с необоснованными ограничениями и запретами, способными отбить у примирителя инициативу и желание выполнять свою общественную миссию, сделав ее формальной и неэффективной. Запретительно-ограничительные методы государственно-правового регулирования деятельности субъектов гражданского общества, выполняющих свою общественную миссию, представляются сомнительными и малоэффективными.

Библиографический список

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. Москва: Стелс, 1995. 303 с. URL: http://krotov.info/library/02_b/ek/karia.html.
2. Максудов Р. Р. К читателям // Вестник восстановительной юстиции. 2013. № 10. С. 4–5. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24070869>. EDN: <https://elibrary.ru/ugthyn>.
3. Иллич Иван. Освобождение от школ. Пропорциональность и современный мир. Москва: Просвещение, 2006. 160 с. URL: http://krotov.info/lib_sec/09_i/ili/ch_00.htm.
4. Карнозова Л. М. Мониторинг деятельности территориальных служб примирения за 2017 г., проведенный в рамках Всероссийской ассоциации восстановительной медиации // Вестник восстановительной юстиции. 2018. № 15. С. 145–201. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38468370>. EDN: <https://www.elibrary.ru/gpteqr>.
5. Коновалов А. Ю. Мониторинг деятельности школьных служб примирения за 2017 г., проведенный в рамках Всероссийской ассоциации восстановительной медиации // Вестник восстановительной юстиции. 2018. № 15. С. 202–232. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38468371>. EDN: <https://www.elibrary.ru/fuknad>.
6. Максудов Р. Р. К читателям // Вестник восстановительной юстиции. 2012. № 9. С. 4–5. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24070869>. EDN: <https://elibrary.ru/ugthyn>.
7. Восстановительное правосудие / под ред. И. Л. Петрухина. Москва: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2003. 196 с. URL: <https://istina.msu.ru/collections/4981105>.
8. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание: пер. с англ. / под общ. ред. Л. М. Карнозовой. Москва: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. 328 с. URL: <https://studfile.net/preview/9941518/>.
9. Восстановительное правосудие в России: технологии взаимодействия общества и государства / под ред. Р. Р. Максудова; науч. ред. С. А. Пашин. Москва: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2001. 78 с.
10. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних и социальная работа: учебное пособие / под ред. Л. М. Карнозовой. Москва: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2001. 334 с.
11. Арутюнян А. А. Медиация в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Москва: МГУ, 2012. 262 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/mediatsiya-v-ugolovnom-protseste>.
12. Кувалдина Ю. В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России: дис. ... канд. юрид. наук. Самара: СГУ, 2011. 284 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/predposylki-i-perspektivy-razvitiya-kompromissnykh-sposobov-razresheniya-ugolovno-pravovyykh->; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19268016>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qfgrvj>.
13. Шестакова Л. А. Реализация концепции ювенальной юстиции в производстве по делам несовершеннолетних в Российской Федерации: генезис, современность, перспективы: дис. ... канд. юрид. наук. Самара: Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С. П. Королева, 2015. 242 с. URL: <http://www.dslib.net/kriminal-process/realizaciya-koncepcii-juvenalnoj-justicii-v-proizvodstve-po-delam.html>.
14. Белоносов В. О. Об уголовно-процессуальном законотворчестве в современных условиях // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 4. С. 67–71. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-67-71>. EDN: <https://elibrary.ru/cifoxj>.
15. Максудов Р. Р. Проектирование школьных служб примирения в государственном масштабе // Вестник восстановительной юстиции. 2017. № 14. С. 61–67. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/214582382>.

References

1. Beccaria C. *O prestupleniyakh i nakazaniyakh* [About crimes and punishments]. Moscow: Stels, 1995, 303 p. Available at: http://krotov.info/library/02_b/ek/karia.html [in Russian].
2. Maksudov R. R. *K chitatel'nykh* [To the readers]. *Vestnik vosstanovitel'noi yustitsii* [Restorative Justice Herald], 2013, no. 10, pp. 4–5. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24070869>. EDN: <https://elibrary.ru/ugthyn> [in Russian].
3. Illich I. *Osvobozhdenie ot shkol. Proportional'nost' i sovremenniy mir* [Deschooling society]. Moscow: Prosveshchenie, 2006, 160 p. Available at: http://krotov.info/lib_sec/09_i/ili/ch_00.htm [in Russian].
4. Karnozova L. M. *Monitoring deyatel'nosti territorial'nykh sluzhb primireniya za 2017 g., provedennyi v ramkakh Vserossiiskoi assotsiatsii vosstanovitel'noi mediatsii* [Monitoring of the activities of territorial reconciliation services in 2017, conducted within the framework of the All-Russian Association of Restorative Mediation]. *Vestnik vosstanovitel'noi yustitsii* [Restorative Justice Herald], 2018, no. 15, pp. 145–201. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38468370>. EDN: <https://www.elibrary.ru/gpterq> [in Russian].
5. Konovalov A. J. *Monitoring deyatel'nosti shkol'nykh sluzhb primireniya za 2017 g., provedennyi v ramkakh Vserossiiskoi assotsiatsii vosstanovitel'noi mediatsii* [Monitoring of the activities of school reconciliation services in 2017, conducted within the framework of the All-Russian Association of Restorative Mediation]. *Vestnik vosstanovitel'noi yustitsii* [Restorative Justice Herald], 2018, no. 15, pp. 202–232. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38468371>. EDN: <https://www.elibrary.ru/fuknad> [in Russian].
6. Maksudov R. R. *K chitatel'nykh* [To the readers]. *Vestnik vosstanovitel'noi yustitsii* [Restorative Justice Herald], 2013, no. 10, pp. 4–5. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24070869>. EDN: <https://elibrary.ru/ugthyn> [in Russian].
7. *Vosstanovitel'noe pravosudie. Pod red. I. L. Petrukhina* [Petrukhin I. L. (Ed.) Restorative justice]. Moscow: MOO Tsentр «Sudebno-pravovaya reforma», 2003, 196 p. [in Russian].
8. Zehr H. *Novyi vzglyad na prestuplenie i nakazanie: per. s angl. / pod obshch. red. L. M. Karnozovoi* [Karnozova L. M. (Ed.) Changing Lenses. A New Focus for Crime and Justice: translated from English]. Moscow: MOO Tsentр «Sudebno-pravovaya reforma», 2002, 328 p. Available at: <https://studfile.net/preview/9941518/> [in Russian].
9. *Vosstanovitel'noe pravosudie v Rossii: tekhnologii vzaimodeistviya obshchestva i gosudarstva. Pod red. R. R. Maksudova; nauch. red. S. A. Pashin* [Maksutov R. R. (Ed.) Restorative justice in Russia: technologies of interaction between society and the state; scientific editing Pashin S. A.]. Moscow: MOO Tsentр «Sudebno-pravovaya reforma», 2001, 78 p. [in Russian].
10. *Vosstanovitel'noe pravosudie dlya nesovershennoletnikh i sotsial'naya rabota: uchebnoe posobie. Pod red. L. M. Karnozovoi* [Karnozova L. M. (Ed.) Restorative justice for minors and social work: textbook]. Moscow: MOO Tsentр «Sudebno-pravovaya reforma», 2001, 334 p. [in Russian].
11. Arutyunyan A. A. *Mediatsiya v ugovnom protsesse: dis. ... kand. yurid. nauk* [Mediation in criminal proceedings: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow: MGU, 2012, 262 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/mediatsiya-v-ugovnom-protsesse> [in Russian].
12. Kuvaldina Yu. V. *Predposylki i perspektivy razvitiya kompromissnykh sposobov razresheniya ugovno-pravovykh konfliktov v Rossii: diss... kand. yurid. nauk* [Prerequisites and prospects for the development of compromise ways of resolving criminal law conflicts in Russia: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Samara: SGU, 2011, 284 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/predposylki-i-perspektivy-razvitiya-kompromissnykh-sposobov-razresheniya-ugovno-pravovykh->; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19268016>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qfqrjv> [in Russian].
13. Shestakova L. A. *Realizatsiya kontseptsii yuvenal'noi yustitsii v proizvodstve po delam nesovershennoletnikh v Rossiiskoi Federatsii: genezis, sovremennost', perspektivy: dis. ... kand. yurid. nauk* [Implementation of the concept of juvenile justice in juvenile proceedings in the Russian Federation: genesis, modernity, prospects: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Samara: Samarskii natsional'nyi issledovatel'skii universitet im. akad. S. P. Koroleva, 2015, 242 p. Available at: <http://www.dslib.net/kriminal-process/realizatsiya-koncepcii-yuvenalnoj-justicii-v-proizvodstve-po-delam.html> [in Russian].
14. Belonosov V. O. *Ob ugovno-protsessual'nom zakonotvorchestve v sovremennykh usloviyakh* [On criminal procedure law-making in the modern context]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, vol. 6, no. 4, pp. 67–71. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-67-71>. EDN: <https://elibrary.ru/cifoxj> [in Russian].
15. Maksudov R. R. *Proektirovanie shkol'nykh sluzhb primireniya v gosudarstvennom masshtabe* [Designing school reconciliation services on a national scale]. *Vestnik vosstanovitel'noi yustitsii* [Restorative Justice Herald], 2017, no. 14, 2017, pp. 61–67. Available at: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/214582382> [in Russian].